

ХАРАКТЕР РУССКОГО НАРОДА В ПРОШЛОМ

А.И.Солженицын

Перепечатываем главу 29-ю из книги А.И.Солженицына «Россия в Обвале» (<http://obval.by.ru/6.htm#29>). Многие качества русского народа можно объяснить влиянием Православия. В главе 30-й, Солженицын описывает недавние изменения в народном характере.

Допустимы ли какие бы то ни было суждения о нации в целом? Да ведь мы с лёгкостью высказываем суждения о человечестве в целом, о «женщинах вообще», о «молодёжи вообще», о крестьянах, о горожанах, — и хотя всякий раз нам справедливо возразят, что есть разные, — но мы же и понимаем, что всюду разнообразие, и всякое обобщающее суждение не полноохватно, его надо высказывать с осторожностью, — однако оно имеет весомый смысл. Никак не сплошь по каждой личности, но народные характеры существуют несомненно. Они создаются наслоением опыта народной истории, традиций, обычаев, мировосприятия.

В современном этнологическом словаре прочтём, что **национальный характер** — это совокупность специфических психологических черт, которые проявляются в способе поведения, в образе мыслей, в складе ума. (Разумеется, среди них есть и общечеловеческие черты, а иные особенные черты встречаются и у других наций.)

И как судьба человека во многом определяется его характером, его личностью — так и судьба народа.

Явное отличие всей атмосферы жизни в России и русского характера от западного неоднократно отмечено в наблюдениях приезжавших иностранцев, участвовавших в XVII-XIX веках. Россия оказалась — и Западу долго «этого допустить было невозможно» — «целый мир, единый по своему началу», «живущий своей собственной органической самобытной жизнью» (Ф. Тютчев).

Откуда же возникла столь резкая разница? Только ли от более восточных меридианов? от соседства с агрессивными кочевыми народами? от обширности наших просторов, от наших лесов и степей? В объяснение особенностей русского характера выдвинуто и такое. Что в отличие от многих этносов, живших замкнутой кровнородственной общиной, — у наших славянских предков (кроме полян) **община была территориальной**. (Славянские племена и назывались по местам обитания, а не по имени предка, как, например, у германцев.) В ней всякий посторонний, кто поселялся, и даже бывший раб, не считался чужим, мог включиться в общину и жениться тут. Не было закрытости рода-племени, лишь **единство «родной земли»**. Отсюда — всеоткрытость русского характера, лёгкая ассимиляция других народов. (Для дальнейшего отметим ещё важное отличие: главный признак славянской системы был препоручение власти снизу вверх, «славянские племенные союзы IX в. ...были государства, построенные снизу вверх») (А. Г. Кузьмин. — В сб.: Русский народ..., с. 28-30, 35).

Позже очень, очень многие черты русского характера определились **православием**. «Все народные начала, которыми мы восхищаемся, почти сплошь выросли из православия» (Достоевский). Не меридианы, нет: ведь это же самое православие отделило нас от мусульманского и буддийского Востока. (Сказалось, конечно, и обратное влияние: восточнославянского характера на формы усвоенного православия; тут — отличие от греков.)

Говоря о прошлых веках, мы, разумеется, имеем в виду более всего характер крестьянский, то есть подавляющей тогда части народа. Да вот, наглядное:

доверчивое смирение с судьбой; любимые русские святые — смиренно-кроткие молитвенники (не спутаем смирение по убеждению — и безволие); русские всегда одобряли смирных, смиренных, юродивых;

сострадательность; готовность помогать другим, делаясь своим насущным; «способность к самоотвержению и самопожертвованию» Тютчев тоже объяснял православными истоками;

готовность к самоосуждению, раскаянию — и публичному; даже преувеличение своих слабостей и ошибок;

вообще вера как главная опора характера; роль молитвы; «Русский человек не способен обходиться без сердечного общения с Богом» (Л. Тихомиров);

Отсюда и пословицы (жизненные правила! законы поведения), подобные таким: Бедность — не порок.
Покорись беде — и беда покорится.
Больше горя — ближе к Богу.
Терпение лучше спасения.

И немало подобных, можно выписывать страницами. (Западному уму трудно принять такую линию поведения.) А ступая в продолжение этого мирочувствия: лёгкость умирания; эпическое спокойствие в приятии смерти (Л. Толстой, да у многих русских авторов);

наконец: непогоня за внешним жизненным успехом; непогоня за богатством, довольство умеренным достатком. Пословицы вроде: Кто малым не доволен, тот большого не достоин.
Шире себя жить — не добра нажить.

Но если цель жизни — не материальный успех, то — в чём она? В сегодняшнем заблудшем человечестве мы не слышим вразумительного ответа на этот неуклонимый вопрос, цель — затуманилась, люди всё более живут лишь бы жить, а где и: лишь бы существовать.

Не случайно у нас родилось, кроме «истины», ещё отдельное (и почти непере译имое) слово «правда»: тут — и истина, тут — и личная нравственность, тут — и общественная справедливость. Нет, далеко не праведность жизни, но широко разлитая жажда праведности.

А само собою, и не в связи с христианской верой, не раз выпукло проявлялись в русском характере и черты природжённые, отродные (не охватить и не процитировать всего, кем-либо наблюдённого, отмеченного):

открытость, прямодушие;

естественная непринуждённость, простота в поведении (и вплоть до изрядной простоватости);

несуетность;

юмор, в большой доле; многогранно и выразительно сверкают им русские пословицы; великодушие; «русские — люди непрочной ненависти, не умеют долго ненавидеть» (Достоевский);

уживчивость; лёгкость человеческих отношений; «чужие в минутную встречу могут почувствовать себя близкими» (Г. Федотов);

отзывчивость, способность всё «понять»; размах способностей, в самом широком диапазоне; «широкий, всеоткрытый ум» (Достоевский);

широта характера, размах решений: Чем с плачем жить, так с песнями умереть.

Не согласен я со множественным утверждением, что русскому характеру отличительно свойственен максимализм и экстремизм. Как раз напротив: подавляющее большинство хочет только малого, скромного.

Однако — **всякий характер на Земле противоречив**, даже может совмещать полные противоположности, тем более — у разных лиц; так не удивимся в дальнейшем перечне свойств как бы противоречию сказанному.

Известный наш педагог С. А. Рачинский указывал, что один и тот же носимый в душе нравственный идеал — «в натурах сильных выражается безграничной простотой и скромностью в совершении всякого подвига», а «в натурах слабых влечёт за собой преувеличенное сознание собственного бессилия». А Чехов отметил так («На пути»): «Природа вложила в русского человека необыкновенную **способность верить**, испытующий ум и дар мыслительства, но всё это разбивается в прах о беспечность, **лень и мечтательное легкомыслие**». Какие знакомые нам, сколько раз виденные черты...

Нечёткие, нетвёрдые контуры характера — да, это у нас есть. Последний французский посол в дореволюционной России, долго в ней живший Морис Палеолог, оставил нам тоже немало метких наблюдений. Воображение русских не рисует отчётливых очертаний, вместо понимания реальности — грёзы. Русские много думают, но не умеют предвидеть, бывают застигнуты врасплох последствиями своих поступков. Утешение «ничего» как черта национального характера, способ умалить цель, признать тщету всякого начинания — самооправдание, извиняющее отказ от стойкого проведения своих намерений. Быстрая **покорность судьбе, готовность склониться перед неудачей**.

В. Ключевский: «Мы работаем не тяжем, а рывом», — хотя рыв часто могучий. «Труд русского человека лишён упругого равномерного напряжения; нет методичности и размеренности» (С. С. Маслов, общественный деятель, XX век). Равномерной методичности, настойчивости, внутренней дисциплины — болезненнее всего не хватает русскому характеру, это, может быть, главный наш порок. (Уж не опускаемся здесь до расчеловечения — безоглядного распущенного пьянства.) Мы часто не собраны всей нашей волей к действительному стержню. Да и самой-то воли порой не хватает.

Из названных качеств проистекло, однако, и — всеизвестное (худо знаменитое) русское **долготерпение**, поддержанное телесной и духовной выносливостью. (Отметим: терпение это веками держалось даже больше на смирении, чем на страхе перед властвующими.)

Веками у русских не развивалось правосознание, столь свойственное западному человеку. К законам было всегда отношение недоверчивое, ироническое: де разве возможно установить заранее закон, предусматривающий все частные случаи? ведь они все непохожи друг на друга. Тут — и явная подкупность многих, кто вершит закон. Но вместо правосознания в нашем народе всегда жила и ещё сегодня не умерла — **тяга к живой справедливости**, выраженная, например, пословицей: Хоть бы все законы пропали, лишь бы люди правдой жили.

Сюда примыкает и вековое **отчуждение нашего народа от политики и от общественной деятельности**. Как отметил Чаадаев, по русским летописям прослеживается «глубокое воздействие власти... и почти никогда не встретишь проявлений общественной воли». Как трава нагибается от сильного ветра, а потом распрямляется без вреда для себя — так народ, если удавалось, переживал, переживал эти «глубокие воздействия власти», не меняя веры и убеждений. «Русский дух больше вдохновлялся идеей правды Божьей на Земле, нежели — получить внешнюю свободу» (С. Левицкий, философ, XX век). Тем более — не стремился к власти: **русский человек сторонился власти и презирал её как источник неизбежной нечистоты, соблазнов и грехов**. В противоречие тому — **жаждал сильных и праведных действий правителя, ждал чуда**. (В наш удельный период многократно видим, как масса зависит от князя, вся направляется им, куда он повернёт, на войну так на войну.)

Отсюда проистекла наша нынешняя губительно **малая способность к объединению сил**, к самоорганизации, что более всего вредит нам сегодня. «Русские не способны делать дела через самозарождённую организованность. Мы из тех народов, которым нужен непременно вожак. **При удачном вожаке русские могут быть очень сильны...** Трудно служить России в одиночку, а скопом мы не умеем» (В. В. Шульгин).

И на то есть пословица: Сноп без перевясла — солома.

Так создаётся беспомощность и покорность судьбе, превосходящая все границы, — вызывающая изумление и презрение всего мира. Не разобравшись в сложной духовной структуре, — из чего это проистекло, как жило, живёт и к чему ещё нас выведет, — бранят нас извечными рабами, это сегодня модно, повсемирно.